

ВÓЛЯ

Авторы: А. А. Столяров (В истории европейской философии), Д. А. Леонтьев (Воля в психологии)

ВÓЛЯ, филос. и психологич. понятие, означающее осознанную саморегуляцию и управление человеком своими действиями. Иногда слово «В.» употребляется для обозначения любого мощного и направленного на что-то стремления (В. к жизни, В. к власти).

В истории европейской философии

понятие В. имело два осн. значения: 1) способность разума к самоопределению (в т. ч. моральному) и порождению специфич. причинности (рационалистич. традиция, исторически более влиятельная и не прерывающаяся от античности до настоящего времени); 2) фундам. свойство сущего, предшествующее разуму; основа всех объяснит. моделей (традиция волюнтаризма 19–20 вв., представленная преим. Ф. В. [Шеллингом](#), А. [Шопенгауэром](#), Э. фон [Гартманом](#), Ф. [Ницше](#) и отчасти А. [Бергсоном](#)).

В классич. рационалистич. традиции В. выступает как относительно самостоят. функция разума. Конфликт разума и В. здесь почти непредставим, а противоположность волевого иррациональному разумееется сама собой. В понятии В. выделяется прежде всего интеллектуально-императивный аспект твёрдого разумного намерения, деятельной мысли, стремящейся к осуществлению цели. Эта проблематика начала оформляться в рамках концепции [свободы воли](#) и первоначально ограничивалась сферами этики, гносеологии и психологии.

Понятие В. не сразу получило терминологич. фиксацию (поэтому грекам порой ошибочно отказывали во всяком представлении о В.). У Платона «волевое» начало впервые становится особым предметом рефлексии и понимается как синтез разумной оценки и стремления, причём последнее выделяется в отд. способность души («Пир», 201 de; «Федр», 252 b сл.). Аристотель разработал «аналитику» волевого акта, рассматривая В. как специфич. причинность, отличную от чистой интеллектуальной сферы (созерцат. разум) и от чистых аффектов. Фундам. способностью души является стремление, а В. – единств. вид стремления, который зарождается в разумной части души и является синтезом разума и стремления, причём предмет стремления в акте воления осознаётся как цель («О душе», II, 3, 414 b 2; III, 9, 432 b 1 сл.). Сфера В. соответствует «практическому» разуму, размышляющему о деятельности и направляющему на неё. Неоплатонизм, не предложив принципиальных новшеств в области проблематики В., переместил её в сферу онтологии (В. как «тяготение» ума к себе и к [Единому](#) у Плотина – «Эннеады», VI, 8: «О произволе и желании Единого»).

Наметившийся в рамках этой классич. традиции процесс вычленения В. как способности к действию, получающей известную самостоятельность по отношению к разуму и к аффекту, нашёл своё выражение в лат. термине «voluntas» (уже у Лукреция и Цицерона), акцентировавшем динамич. момент В. и вобравшем в себя всю совокупность значений, которая была представлена в разл. греч. терминах. Кроме того, в латиноязычной традиции уже довольно рано наметилось чёткое разграничение разума и В. (напр., Цицерон, «Тускуланские беседы», IV, 38, 82; Ювенал, «Сатиры», VI, 223).

Христианство, утвердившее примат сверхрациональной веры и любви, ускорило вычленение В. в качестве отд. способности и привело к возникновению своеобразной «метафизики В.», особенно ярко проявившей себя на лат. Западе начиная с 4 в. В тринитарном учении [Мария Викторина](#) В. понимается прежде всего субстанциально: в Боге В. совпадает с бытием и является чистой потенцией, способностью к самореализации Абсолюта («Против Ария», I, 52, 1080 В и т. д.). [Августин](#), выделяя динамически-психологич. момент воления, в силу которого любой аффект свидетельствует о некоем волевом стремлении («Ведь воля, конечно, присуща всем [движениям души]; мало того, все они суть не что иное, как воля» – «О Граде Божьем», XIV, 6), в своём учении о «троичной» структуре разума утверждает субстанциальное единство ума, памяти и воли. В. есть такая же непосредств. очевидность, как бытие и знание о нём («О свободном решении», I, 12, 25).

Средневековая проблематика В. не выходила за рамки [августинианства](#) ([Ансельм Кентерберийский](#) и др.), аристотелизма и их возможных комбинаций. Аристотелевские мотивы преобладают у [Фома Аквинского](#): В. – «причина самой себя», способность самоопределения разума; В. и разум – разные, но тесно связанные способности души. Самый «радикальный» вариант августинианства предполагает динамический примат В. над разумом: у [Дунса Скота](#) структура мышления задаётся В. как первичной интенцией: «Воля, повелевающая умом, является более высокой причиной с точки зрения её действия» («In I sententiarum», IV, 49, 4).

У Р. Декарта понятие В. несколько шире понятия разума, но по сути своей воление – модус мышления. Для Б. Спинозы В. и разум – одно и то же, ибо разум познаёт причинную связь вещей и идей: человек определяется к действию познанием. С точки зрения Г. В. Лейбница, воление определяется разумом, хотя в моральной плоскости и не детерминируется им полностью. У И. Канта В. есть способность желания, определяющее основание которой находится в разуме: В. – это способность определять самоё себя к действию сообразно представлению о законах, или «вид причинности живых существ, поскольку они разумны» («Основы метафизики нравственности», раздел III). Цель действия есть объективное основание для самоопределения В. По Г. В. Ф. Гегелю, «различие между мышлением и волей – лишь различие между теоретическим и практическим отношением, воля есть особый способ мышления: мышление как перемещающее себя в наличное бытие, как влечение сообщить себе наличное бытие» («Философия права», Введение, § 4). У И. Г. Фихте В. выступает внутри субъекта как равноправная способность наряду с разумом, причём акт В. (как у Дунса Скота) обладает логич. первенством в процессе самоопределения разумного «я». Новейшим примером классич. традиции может служить феноменологич. концепция П. [Пукёра](#), понимающего В. как «фундаментальную способность» – интеллектуальную интенцию, содержащую «проект» действия, т. е. стремление к цели, не совпадающее с «чистым» мышлением, хотя «сила» В. – «это аспект cogito»: «желать – значит мыслить».

Основой волюнтаристич. традиции является онтологич. понимание В., исходящее из того, что не В. есть акциденция разума, а разум – акциденция В. Волюнтаристич. потенциал в рамках классич. традиции был в полной мере реализован Августином, Дунсом Скотом и Фихте. Элементы собственно волюнтаристич. традиции можно найти у Я. [Бёме](#) (благая или злая В. – онтологич. характеристики сущего) и [Мен де Бирана](#), но как цельная позиция она представлена философией Ф. В. Шеллинга и особенно А. Шопенгауэра. У Шеллинга В. впервые выступает в рамках креационистской модели как иррациональная подоснова сущего, из которой выделяется «сознательная» В. («Философские исследования о сущности человеческой свободы...»). У Шопенгауэра В. получает онтокосмич. статус в качестве иррациональной «воли к жизни», выступающей как универсальное метафизич. начало и вместе с тем объяснит. модель («Мир как воля и представление», кн. II, § 17 сл.).

Комбинация идей Шеллинга и Шопенгауэра присутствует в «Философии бессознательного» Э. Гартмана, а у Ницше шопенгауэровская «воля к жизни» преобразуется в столь же онтологическую по своему характеру «волю к власти». Своеобразным продолжением волюнтаристич. традиции является иррационалистич. концепция «жизненного порыва» Бергсона. Для целого ряда филос. течений 20 в. проблема В. не представляет самостоят. интереса (аналитическая философия, экзистенциализм и др.).

Воля в психологии

С возникновением в кон. 19 в. психологии как самостоятельной эксперим. науки проблематика В. стала одной из важных её областей. Изучение В. долгое время представляло собой отд. область психологии человека; ныне оно входит в сферу психологии [мотивации](#) и саморегуляции. Психология рассматривает В. в контексте таких проблем, как конфликт между непосредств. побуждениями и сознат. решениями и оценками (борьба мотивов), переход от принятого решения к началу его реализации (инициация действия), усиление недостаточного побуждения к действиям, оцениваемым как необходимые (мобилизация), преодоление препятствий по ходу действия (настойчивость), сдерживание непосредств. импульсов и побуждений (самоконтроль).

У. [Джеймс](#) сформулировал гл. проблему В. как переход от намерения к его реализации, от мысли к действию. В 1-й трети 20 в. наиболее существенный вклад в эксперим.-психологич. исследования В. внесли Н. Ах, К. [Левин](#) и Л. С. [Выготский](#). Н. Ах ввёл представление о целевой детерминирующей тенденции, которая может управлять течением психич. процессов наряду с естеств. ассоциативными тенденциями и даже противоречить им. Действие на основе акта В. способно преодолевать значит. препятствия, в результате чего действенность принятого намерения даже усиливается, в чём Н. Ах усматривал сущностный признак акта В. Левин преодолел разрыв между волевыми и мотивационными процессами, экспериментально показав, что сознательно принятые намерения влияют на наши действия так же, как потребности нашего организма.

Л. С. Выготский усматривал в произвольности гл. характеристику специфически человеческой психики: психологич. развитие человека состоит в постепенном овладении своим поведением и превращении непроизвольных психич. функций в произвольные (см. [Высшие психические функции](#)). Механизмом этого овладения выступает социальное взаимодействие: усваивая способы, которыми взрослый управляет его поведением, ребёнок сам начинает применять их для воздействия на поведение взрослого, а затем обращает их на себя, формируя механизмы произвольного управления собств. поведением. При этом как управление др. человеком, так и произвольное управление своим поведением носит опосредованный характер: к ситуации подключаются дополнит. знаковые стимулы-средства, которые меняют структуру сил, влияющих на поведение. Т. о., Выготский впервые поставил проблему В. как психологич. техники сознат. сочетания человеком разл. побудит. сил и стимулов.

Новые подходы к проблеме В. появились в 1980-е гг. в России и Германии. В. А. Иванников обосновал понимание В. как разновидности регуляции действия, основанной на придании цели действия дополнит. смысла, стимулирующего либо тормозящего выполнение этого действия (напр., дав обещание или клятву что-то сделать, человек подключает к мотивации этого действия мотив самоуважения – ведь не выполнив обещанное, он уронит себя в глазах других и своих собственных). Нем. учёный Ю. Куль ввёл различение мотивационных и волевых аспектов регуляции действия, что получило развитие в т. н. «модели Рубикона» Х. Хекхаузена, Ю. Куля и П. Голвитцера, выделяющей два состояния сознания: мотивационное, предшествующее принятию решения о

выборе действия, и волевое, начинающееся после принятия решения и связанное с контролем за выполнением действий по его реализации.

В кон. 20 в. проблема В. в психологии окончательно растворилась в проблеме мотивационной и смысловой регуляции и утратила самостоят. статус. Её место заняли исследования субъективной причинности и самодетерминации, начало которым было положено в 1950-х гг. исследованиями локуса контроля – характеристики того, в какой мере человек воспринимает в качестве причины своих действий себя самого либо внешние обстоятельства (амер. психолог Дж. Роттер). Это привело к различению внутр. мотивации, воспринимаемой как побуждение, исходящее из самого субъекта, и внешней мотивации, воспринимаемой как воздействие внешних сил (амер. психолог Э. Деси). Внутренне мотивированный человек более успешно разрешает внутренние и внешние конфликты, переходит от замысла к действию, преодолевает препятствия, контролирует свои импульсы, а человек, воспринимающий себя как жертву обстоятельств и игрушку в руках случая, лишает себя доступа к управлению собств. поведением. Решающую роль в развитии способности овладения своим поведением играют особенности воспитания, в частности эмоциональное участие и поддержка самостоят. инициатив ребёнка, а также чёткое обозначение границ его свободы и самостоятельности.

Литература

В истории европейской философии. Лит.: Alexander A. Theory of the Will in the history of philosophy. N. Y., 1898; Knauer R. Der Voluntarismus. B., 1907; Marcus J. Intellektualismus und Voluntarismus in der modernen Philosophie. Düsseldorf, 1918; Tegen E. Moderne Willenstheorie. Uppsala, 1924–1928. Bd 1–2; Benz E. Marius Victorinus und die Entwicklung der abendländischen Willensmetaphysik. Stuttg., 1932; Bourke V. J. Will in western thought. N. Y., 1964; Kenny A. Aristotle's theory of the will. New Haven, 1979; Dihle A. The theory of the will in classical antiquity. Berk., 1982; Железняк В. Н. Метафизика воли в прямой и обратной перспективе. Пермь, 1997; он же. Феноменология рациональной воли. Пермь, 1997.

Воля в психологии. Лит.: Ach N. Analyse des Willens. B.; W., 1935; Иванников В. А. Психологические механизмы волевой регуляции. М., 1991; Мэй Р. Любовь и воля. М.; К., 1997; Левин К. Намерение, воля и потребность // Левин К. Динамическая психология. М., 2001; Ильин Е. П. Психология воли. СПб., 2002; Выготский Л. С. Психология развития человека. М., 2003; Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. 2-е изд. СПб.; М., 2003.